

Карельская губерния Библиотека

Либр.

13369

III

Научно-исследовательский институт

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ
и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ.

М. СТАСЮЛЕВИЧА.

III.

ПЕРІОДЪ ТРЕТИЙ: отъ крестовыхъ походовъ до открытия АМЕРИКИ.
1096 — 1492.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Могилевская улица, 7.

1865.

ПРОВЕРЕНО

Э П О Х А

КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

М. СТАСЮЛЕВИЧА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

I. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. 1096—1291.

Diex le volt! Diex le volt!

944
C. 7

9675

и. № 640

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

Могилевская улица, 7.

1865.

ПРОЧЕРНО 1936 г.

Изображеніе рыцаря - крестоносца въ полномъ вооруженіи того времени, помѣщенное на заглавномъ листѣ, сохранилось на одномъ надгробномъ памятнике XIII вѣка и было скопировано въ изданіи *Heffner-Altenbeck: Trachten des christlichen Mittelalters II.* табл. 87; и у *Hermann Weiss: Kostümkunde, Geschichte der Tracht und des Geräthes im Mittelalter.* Stuttgart. 1864. 2 Abschn. 3 Abtheil. Tab. 279 с., на 648 стр.

ИЗЪ ПРОШЕДШАГО.

1860 — 1862 г.

Ты одинъ не печалишься, среди общей
печали, и, оплакиваемый всѣми, не пла-
чешь!

ТОРКВАТО ТАССО.

Съ небольшимъ годомъ тому назадъ, когда я представ-
лялъ продолженіе资料 своего труда покойному Государю
Наслѣднику Цесаревичу, Великому Князю Николаю
Александровичу, доброй и вѣчной памяти, Онъ замѣ-
тилъ, что слѣдующій третій томъ коснется наконецъ
той эпохи, съ которой мы начали съ Нимъ свой исто-
рическій курсъ въ 1860-мъ году, и спросилъ меня, какъ
скоро я могу обѣщать представить Ему третій томъ?
Я обѣщалъ именно такъ, какъ и сдѣгалъ; но Его уже
нетъ!...

Мы оплакиваемъ въ эти минуты смерть, въ кото-
рой заключались тысячи смертей: умиралъ не только
человѣкъ, умирала юность, умирала красота, умирала

первая и едва вспыхнувшая любовь, умирали надежды миллионов добрых людей, умирали идеи высокого, справедливого, благородного, умирало все, что есть заслуженного и дорогого на земле.

Мы, преподаватели, были, конечно, ежедневными свидетелями развития прекрасного сердца и благородного ума покойного Цесаревича: наша память о Немъ понятна; но и те, которые видели Его случайно, говорили съ Нимъ, слышали Его всегда скромную и приветливую речь, никогда не забудутъ своихъ воспоминаний о царственномъ юношѣ. Такой человѣкъ, умирая, не долженъ умереть весь, и на всхъ насъ лежитъ обязанность вырвать у смерти все то, что не должно ей принадлежать, и что насъ радовало въ Немъ при Его жизни и такъ много обѣщало въ будущемъ. Говоря о Немъ нынѣ, когда положенъ предъль всему земному, мы имѣемъ право сказать словами биографа другого юноши, Танкреда: „теперь ни насъ не назовутъ продавцами, ни Тебя — покупателемъ сказокъ.“

Я продолжалъ курсъ, остановившись до меня на

крестовыхъ походахъ; собственно, покойный Государь Наслѣдникъ въ то время уже окончилъ крестовые походы, но онъ желалъ пройти еще разъ эту замъчательную эпоху. Помню, при самомъ началѣ, я сказалъ какъ-то: „это, вѣроятно, Вамъ уже известно“; и Онъ мнѣ отвѣчалъ съ свойственnoю ему скромностью: „да, Я слышалъ объ этомъ; но Я прошу васъ всегда предполагать во Мнѣ, какъ можно меныше знаний: чрезъ „это Я больше выиграю“. Наши занятія въ началѣ состояли въ томъ, что я читалъ лекцію и оставлялъ послѣ лекціи самый краткій обзоръ, который служилъ мнѣ вмѣстѣ ея программою. Послѣ одной такой лекціи или несколькиx сряду, если одна лекція не вполнѣ исчерпывала предметъ, Великий Князь на обратить, оставленномъ съ этою цѣлью, дополнялъ по памяти, что было выражено слишкомъ коротко или однѣмъ намекомъ, и при этомъ Самъ иногда старался уяснить себѣ вопросы, которые вызывались событиями прошедшаго времени.

Такъ, въ самомъ началѣ еще курса, желая точнѣе

представить себѣ существенное различіе между древнимъ міромъ языческимъ, и новымъ христіанскимъ, Онъ писалъ: „Отличительныя историческія черты древняго „мира и среднихъ вѣковъ заключаются прежде всего въ „значеніи отдельнаго человѣка. Въ древнемъ мірѣ, на „Востокѣ, напримѣръ, въ Индіи, личность человѣка „исчезала въ религіозной сектѣ или въ оріентальномъ „фатализмѣ. Въ Греціи и Римѣ, отдельный человѣкъ „поглощался государствомъ, приносился въ жертву го- „сударству. Понятіе гражданина уничтожало значеніе „человѣка. Такое преображеніе понятій о гражданинѣ „надѣ истиннымъ пониманіемъ значенія отдельной лич- „ности и было причиной паденія древняго міра. Новый, „западный, христіанскій міръ, утвердившись на разва- „линахъ всемірной имперіи, уничтожилъ прежнее поня- „тие о государственномъ единстве, и выдвинулъ впередъ „личность человѣка. Но такое заявленіе о необходимости „уваженія къ личности выражилось въ началѣ въ „грубой формѣ феодальнаго барона.“

Начало нашего курса относилось, какъ я сказалъ,

къ крестовымъ походамъ, и я могъ бы привести много различныхъ замѣтокъ Великаго Князя; такъ, Онъ остановился однажды на характеристику Ричарда „Львиное - Сердце и императора Фридриха II Гогенштауфена:

„Мы можемъ, замѣтилъ Онъ, назвать Ричарда „Львиное - Сердце представителемъ средневѣковаго героя изма и безумной рыцарской отваги. И подвиги его соотвѣтствуютъ его характеру. Личность Фридриха II „Гогенштауфена совершенно противоположна личности „Ричарда. На Фридрихъ II отразился уже тотъ пересортъ, который готовъ былъ совершившися въ западномъ обществѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ: феодальнаяя понятія уступили въ немъ мѣсто государственнымъ соображеніямъ. Характеръ Фридриха II приближаетъ его къ нашимъ идеямъ; онъ былъ представителемъ героизма новѣйшаго. Не дѣлая чудесъ личной храбрости, даже не обнажая мѣча, онъ овладѣлъ Герусалимомъ и удерживалъ его за собою ильсколько лѣтъ.“

Такъ отмѣчалъ многое на своихъ тетрадяхъ покой-

ный Великий Князь лѣтъ пять тому назадъ. Я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ продолжать свои выписки изъ Его замѣтокъ, въ которыхъ лучше всего выразилось формирование Его взгляда на историческую судьбу людей. Пусть хотя не мнія слова Его останутся среди насъ; большаго намъ не суждено ни увидѣть, ни услышать.

Покойный Великий Князь превосходно зналъ отечественную исторію, и Его любимою привычкою было дѣлать при всякомъ случаѣ сравненіе нашего прошедшаго съ судьбою другихъ народовъ. Онъ хорошо понималъ, что знаніе отечественной исторіи недостаточно для великой націи: „дѣйствительно, выразился Онъ однажды „въ концѣ нашего разговора объ отношеніи всеобщей „исторіи къ отечественной, народу, который имѣетъ „значеніе въ судьбѣ человѣчества, необходимо знать „исторію этого человѣчества, чтобы занять посреди „его приличное себѣ мѣсто.“ Чтеніе памятниковъ старины было страстью Великаго Князя, и я теперь еще живо припоминаю, какъ Онъ наслаждался чтеніемъ.

мемуаровъ Сюлли, друга Генриха IV, какое Онъ получилъ уваженіе къ этому твердому, суровому, правдивому и вѣрному советнику одного изъ самыхъ популярныхъ королей не только Франціи, но и всего обра-зованнаго міра, куда только проникъ французский языкъ.

Но довольно для этихъ скорбныхъ дней, которые мы переживаемъ въ настоящую минуту! Мы похожи теперь на человѣка, котораго засталъ въ расплохъ пожаръ: желали бы спасти самое дорогое, и хватаемся за первое, попавшееся на дорогѣ; намъ хотѣлось бы вынести изъ полуутверзстой могилы все то, что составляло въ Августѣйшемъ покойномъ герцогѣ его чистой души и возвышеннаю характера, а между тѣмъ въ эту минуту мы болѣе способны чувствовать настоящее горе и тяжелую утрату, нежели спокойно огля-дываться назадъ и вспоминать прошедшее во всѣхъ его дорогихъ подробностяхъ.

Какъ Онъ ни мало жилъ, но все же жилъ не да-ромъ: Онъ оставилъ другимъ живой образъ того, о чёмъ

прежде приходилось только мечтать; Онъ сказалъ Со-
бою, что люди любятъ въ царственныхъ юношахъ, и
чего они отъ нихъ ждутъ. Постараемся быть достой-
ными Его памяти, если намъ больше нельзя быть до-
стойными Его жизни.

М. С.

Мая 21 дня, 1865.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ПЛАНЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Первые два тома нашего труда обнимаютъ собою 600 лѣтъ средневѣковой исторіи; на долю третьяго тома остаются послѣднія четыре столѣтія оть XII до XV. Но, по своему внутреннему значенію, содержаніе послѣднихъ 400 лѣтъ несравненно богаче и знаменательнѣе: XII и XIII вѣка были временемъ блестящаго и полнаго развитія феодального общества, когда оно успѣло наконецъ выработать изъ себя извѣстный историческій типъ, цѣлый, своеобразный, какимъ былъ прежде типъ греческой и римской образованности, хотя и основанный на началахъ прямо противоположныхъ цивилизаций древняго міра. *Феодальный баронъ* и *civis romanus* остаются и до сихъ поръ единственными самыми полными и вмѣстѣ самыми крайними пунктами развитія двухъ идей, на которыхъ нѣкогда зиждался весь общественный строй; притомъ, чрезъ эти два типа прошло человѣчество прежде нежели вступило въ свой новый фазисъ, къ которому принадлежать послѣднія поколѣнія, и который, при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ, тѣмъ не менѣе однако въ отношеніи полноты и законченности не можетъ равнятся съ тѣми двумя своими колоссальными предшественниками, отошедшими въ вѣчность.

Время оть паденія древняго міра до начала крестовыхъ походовъ было темною эпохою постепеннаго подготовленія и разработки феодальныхъ началъ, собственно, только въ XII и XIII столѣтія выходить на сцену все то, что мы привыкли называть средневѣковымъ. А потому и первые наши два тома, какъ и самое время, заключенное въ нихъ, служать обширнымъ введеніемъ

къ нынѣ выходящему въ свѣтъ третьему тому. Мы не могли не принять того въ соображеніе при распределеніи объема его содержанія: третьему тому предстоитъ несравненно болѣшайшая работа, чѣмъ первымъ двумъ предыдущимъ. Всѣдѣствіе того мы раздѣлили этуть третій томъ на *две* части, а именно: **первая часть** должна обніять собою XII и XIII вѣкъ въ двухъ отдѣлахъ: *первый отрывокъ*, явившійся нынѣ въ печати, ограничивается однимъ вѣнчнимъ фактамъ, но который въ теченіи двухъ вѣковъ безпрестанно перерабатывалъ западное общество, и подъ вліяніемъ котораго оно испытало въ себѣ огромный внутренній переворотъ; это — крестовые походы или священная война; *второй отрывокъ* обратится именно къ тому внутреннему перевороту, который совершился въ западномъ обществѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ; — **вторая часть** и послѣдняя обниметъ собою XIV и XV вѣкъ, какъ эпоху разложенія феодального общества и вмѣстѣ перехода его къ новымъ основамъ жизни политической, интеллектуальной и общественной.

При составленіи третьаго тома мы дали нѣсколько болѣшее развитіе первоначальному своему методу, хотя вслѣдствіе того долженъ бытъ значительно увеличиться самыи трудъ. Мы старались нынѣ, не ограничиваясь приведеніемъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ писателей, братъ каждое историческое произведеніе въ его цѣлости, отъ начала, отъ посвященія, отъ пролога, и до самаго конца, представляли опускаемыя мѣста въ анализѣ и останавливались на полномъ переводѣ того, что въ каждомъ писателѣ представляется замѣчательнаго. Такимъ образомъ, мы нашли средство не только дать обширныя извлеченія изъ такихъ писателей, какъ Вильгельмъ Тирскій, Бернардъ Казначей, Виллегардинъ, Жанъ Жоанвиль, Марінъ Санудо и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ представить полное содержаніе ихъ трудовъ, въ цѣлости. Мы обратили нынѣшній разъ особенное вниманіе на посвященія и прологи, потому что они даютъ самое лучшее понятіе о литературныхъ вкусахъ того времени, объясняютъ многое изъ жизни писателей и служатъ ихъ автобіографію. Въ исторіи крестовыхъ походовъ, мы не останавливались при однихъ латинскихъ писателяхъ, но привели также показанія важнѣйшихъ византійскихъ историковъ и тѣ отрывки изъ мусульманскихъ источниковъ, которые могли быть намъ доступны по ихъ французскимъ или латинскимъ переводамъ.

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ выразить надежду, что приписанное намъ стремленіе замѣнить своимъ трудомъ употребленіе руководствъ, вѣроятно, разсѣется теперь само собою при одномъ взглядѣ на обширность нашего труда:

пять томовъ, изъ которыхъ въ каждомъ можетъ удобно помѣститься по объему два, три учебника, не могутъ служить учебникомъ предмета, преподаваемаго всего только одинъ годъ. Но никакая обширность нашего изданія никакъ не препятствуетъ преподавателю пользоваться имъ, ни учащемуся прочесть виѣ урока, по его указанію, то или другое мѣсто изъ Жованвилля или Виллегардуна, которое дополнить классную работу и дастъ уму и воображенію самую здоровую пищу.

Однакоже мы и теперь по прежнему считаемъ недостаточнымъ въ дѣлѣ исторического преподаванія ограничиваться одною катихизациею предмета въ учебникѣ; даже папы противники, повидимому, склонились наконецъ въ пользу нашего мнѣнія. По крайней мѣрѣ мы не такъ давно читали, хотя и въ другомъ ежедневномъ журналѣ, по издаваемомъ тою же редакціею, которая помѣстила въ своеемъ ежемѣсячномъ журналь (Рус. Вѣст. 1863 г.) разборъ первого тома нашего труда, а именно слѣдующее: „Учебники исторіи, говоритъ одна изъ передовыхъ статей ежедневнаго журнала (№ 238, 1864 г.), никогда не сообщать имъ (учащимся) чувства исторіи; учебники исторіи дадутъ имъ только ряды словъ и чужихъ воззрѣній, которыя коснутся ихъ лишь поверхностно. Но усвояя шагъ за шагомъ букву и духъ древнихъ языковъ, учащіеся самолично входятъ въ міръ исторіи и овладѣваютъ первоначальными источниками историческаго вѣданія. Они усваютъ себѣ исторію на самомъ дѣлѣ, всѣми способностями и инстинктами. Они овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ, а не заучиваютъ чужie разсказы и разсужденія въ учебникѣ, переложенномъ съ нѣмецкаго.“

Я говорилъ два года тому назадъ другими словами, по тоже самое, и заключалъ такъ: „кто прочелъ Тацита, Эгингарда, Фроассара, тотъ лучше знаетъ исторію, и болѣе исторически образованъ, нежели тотъ, кто усвоилъ себѣ цѣлое историческое руководство.“ Тогда меня упрекнули въ стремленіи заплатить дань духу времени; но теперь я вижу, что все это было одно недоумѣніе, ибо мои противники также думаютъ, что только въ чтеніи источниковъ „учащіеся усваютъ себѣ исторію на самомъ дѣлѣ, всѣми способностями и инстинктами; овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ“ и т. д.

Пусть учебники остаются на *своемъ* мѣстѣ, пусть усовершенствуется въ нихъ форма катихизаціи и пусть они дѣлаются болѣе удобными для памяти; но мы никакъ не повредимъ учебникамъ, если пополнимъ то, чего недоставало въ нашей литературѣ, и чего не могли никакимъ образомъ замѣнить никакіе учебники.